

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 295

Февраль

2007

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Волчкова Т.Л. Структура и дидактические принципы построения современного школьного учебника по мировой художественной культуре	7
Горских О.В. Поэзия пушкинской поры: содержание и методика изучения	11
Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем	15
Евдокимов В.А. Специфика использования средствами массовой информации рекламы (контррекламы) с целью политизации социального конфликта	20
Кафанова О.Б. Литературоведческие коллоквиумы и проекты во Франции	24
Менглинова Л.Б. Социально-философская сатира в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»	29
Наумкина Ю.А. Внутритекстовая связь литературы и живописи в филологическом образовании: интегративный подход	36
Петрунина С.П. Сочетания типа <i>али как ли</i> в диалектном словаре	40
Порядина Р.Н. «Лики» чужого в народной культуре	44
Фесенко О.П. Модели фразеологизмов писем И.И. Пущина	51
Щитова О.Г. Лексико-семантическая группа названий тканей в томских деловых документах XVII в.	55

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Истомина Н.Н. Образовательная программа как компонент подготовки специалиста в вузе	63
Кильмухаметова Е.Ю. Аксиологический потенциал невербальных средств (на материале современной французской художественной литературы)	67
Обдалова О.А. Содержание обучения иностранному языку в условиях активизации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной деятельности учащихся	72
Петрашова Т.Г., Коробейникова О.В. Словарь как средство формирования межкультурной компетенции будущего специалиста	80

ФИЛОСОФИЯ

Аванесов С.С., Аванесова Е.Г. Социальный аспект религиозной практики	85
Ладов В.А. Понятие «производственная интенциональность» в современной американской философии	87
Мусийчук М.В. Аксиологическая функция юмора	91
Чистанов М.Н. К вопросу о возможных интерпретациях современного исторического сознания	95

МЕХАНИКА

Пахомов Ф.М. Динамическая устойчивость моделей в отсутствие и при наличии падающей ударной волны в набегающем сверхзвуковом потоке	99
--	----

ИСТОРИЯ

Большаков В.Н. К истории Обь-Енисейского водного пути (начало XX в.)	105
Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль о революции 1848–1849 гг. во Франции	111
Воскресенская М.А. Серебряный век: вымысел, умысел или реальность (замечания к неоконченному спору о терминах)	119
Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений	123
Зандраева А.Б. Этническая история бурят в свете этнодемографических процессов	130
Карагодина С.В. Медичи и их друзья: изгнание из Флоренции. 1433–1434 гг.	132
Нежина М.В. Система общественного управления крестьянского и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX в.)	136
Некрылов С.А. Областники и первый Сибирский университет	141
Проден Е.Ю. Начало войны в Индокитае и позиция США: влияние европейского фактора (1945–1949 гг.)	149
Рудковский С.И. История изучения позднебронзовых комплексов с фигурно-штамповой орнаментацией на севере Западной Сибири	152
Хахалкина Е.В. Обсуждение в правительственных кругах Великобритании вопроса о внесении проблемы «колониализма» в повестку дня англо-американских переговоров на Бермудских островах (январь–март 1957 г.)	155

ПСИХОЛОГИЯ

Бохан Т.Г. Феноменология трудных ситуаций в жизнедеятельности юношества коренных народов Сибири	158
Дмитриева Е.Н., Левицкая Т.Е. Половозрастная идентификация детей и подростков с детским церебральным параличом	164
Козлова Н.В., Берестнева О.Г. Профессиональные компетенции: экспертно-статистический анализ	166
Ходжабагианц Т.Г. Соотношение «образ жизни – образ мира» как динамический фактор трансформации ментального пространства иммигранта	174

ЭКОНОМИКА

Журавская Н.Т. К вопросу о системном подходе к исследованию инноваций в высшей школе	178
Казakov В.В. Бюджетирование, ориентированное на результат: проблемы и перспективы внедрения в России	182
Макарова И.А. Экономическая природа ресурсных платежей	187
Нехода Е.В. Технологические параметры эволюции производственной среды предприятия и их влияние на трансформацию труда и социально-трудовых отношений	194
Петиненко И.А. Семья в условиях функционирования рыночного ценообразования	204
Потехина Н.В. Роль человеческого капитала в экономическом росте	207
Соболева Е.Н. К проблеме реализации собственности в смешанной экономике	210
Эльмурзаева Р.А. Актуальные проблемы современной региональной инвестиционной политики	212

БИОЛОГИЯ

Бех И.А., Данченко А.М. Проблема устойчивости в лесоведении	215
Росновский И.Н., Кулижский С.П. История развития земельно-оценочных работ в период до 2001 г.	220

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Демин В.М. Факторы, обуславливающие нарушения дисциплины и законности сотрудниками пенитенциарных учреждений. Проблемы профилактики	227
---	-----

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Шиловский М.В. Еще раз об авторстве и времени написания областнических прокламаций	230
Яновский А.В. Элементы аристократического самосознания А.С. Пушкина в драме «Борис Годунов»	232
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	235
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	239

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 295

February

2007

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

LITERATURE STUDIES AND LINGUISTICS

Volchkova T.L. Structure and the didactics principles of organizing of a modern School textbook on the World's Artistic Culture	7
Gorskih O.V. Pushkin's time poetry: content and methodics of studying it	11
Gyngazova L.G. Interpretation of the World by the Linguistic Personality of a Dialect Speaker and its Reinterpretation by the Researcher	15
Yevdokimov V.A. Specific charactes of using advertising media (counter-advertising) to politicize social conflicts	20
Kafanova O.B. Literary colloquiums and projects in France	24
Menglinova L.B. Social-philosophic satire in the novel of Bulgakov «Rokovie yaitza»	29
Naumkina J.A. The Integrative approach in philological education: the cohesive connection of literature and art	36
Petrunina S.P. <i>Ali Kak Li</i> combinations in the Dialect Dictionary	40
Poryadina R.N. «Images» of alien in folk culture	44
Fesenko O.P. Idioms models of I.I. Pushin's friendly letters	51
Shchitova O.G. Lexical-semantic group of the names of cloth in the Tomsk business documents of the XVIIth century	55

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Istomina N.N. Educational programmes in specialists' preparation at the institutes	63
Kilmukhametova E.Yu. Evaluative potential of non-verbal means (based on modern French literature)	67
Obdalova O.A. Contents of Teaching Foreign Languages to Enhance Students' In-Class and Out-of-Class Self-Study	72
Petrashova T.G., Korobeynikova O.V. A Dictionary used as a tool to form cross – cultural competence of future specialists	80

PHILOSOPHY

Avanesov S.S., Avanesova E.G. Social Aspect of Religious Practice	85
Ladov V.A. The concept «derivate intentionality» in contemporary american philosophy	87
Musiychuk M.V. Axiological function of humor	91
Chistanov M.N. To the question on possible interpretations of modern historical consciousness	95

MECHANICS

Pakhomov F.M. Dynamic model stability in the absence or presence of an incident shock wave under oncoming supersonic flux	99
--	----

HISTORY

Bolshakov V.N. On the history of the Ob-Yenissei waterway (the early XX th century)	105
Veremchuk L.P. Alexis de Tocqelle about Revolution of 1848–1849 in France	111
Voskresenskaya M.A. The silver age: is it a fallacy, a fiction or relity (some remarks about the pending discussion on terms)	119
Deriglazova L.V. «Asymmetry» concept in theory and practice of international relation	123
Zandraeva A.B. Ethnic history of buryats in light of ethnodemographic processes	130
Karagodina S.V. The Medici and their friends: banishment from Florence 1433–1434	132
Nezhina M.V. System of public governance of the peasant and indigenous population in Amur region (mid 1850s – early 1900s)	136
Nekrylov S.A. Oblastniki and the first Siberian university	141
Proden E.Yu. The beginning of the French war in Indochina and the Unated States position: the influence of European factor (1945–1949)	149
Rudkovsky S.I. The history of the archaeological researching complex with figure-stamped ornamentation of the late bronze age in the north of West Siberia	152
Khakhalkina E.V. The discussion of the issue concerning the submitting of the problem of «colonialism» to agenda of anglo-american negotiations at the Bermuda by british governmental circles (January–march 1957)	155

PSYCHOLOGY

Bokhan T.G. Phenomenological research of difficult situations to abilities to live of youth of radical people of Siberia	158
Dmitrieva E.N., Levitskaja T.E. Sexual and age identification of children and teenagers with the children's cerebral paralysis	164

Kozlova N.V., Berestneva O.G. Professional competence: expert and statistical analysis	166
Khodjabaguiants T.G. «Person's way of life and image of the world» relationship as a dynamic factor of transformation of immigrant's mental space	174

ECONOMIC

Zhuravskaya N.T. To the question of system approach to the research of innovations in high school	178
Kazakov V.V. Budgeting directed to result: difficulties and prospects of it's implementation in Russia	182
Makarova I.A. Economic essence of resources payments	187
Nekhoda E.V. Technological factors of evolution production environment and it's influence to transformation of labour and social-labour relations	194
Petinenko I.A. A Family in the conditions of the market pricing' function	204
Potechina N.V. The Role of Human Capital on Economic Growth	207
Soboleva E.N. To a problem of ownership realization in integrated economy	210
Elmurzaeva R.A. The actual problems in modern investment policy of region	211

BIOLOGY

Beh I.A., Danchenko A.M. The problem of sustainability in forestry sciences	215
Rosnovskiy I.N., Kulizhskiy S.P. The History of development of estimated works in the period till 2001	220

LEGAL

Dyomin V.M. Factors Affecting Disciplines Infringements and Violations of the Law by Correctional Workers. Problems of Prevention	227
--	-----

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Shilovskiy M.V. The authorship and time of writing of oblastnik proclamations revisited	230
Ynovskiy A.V. The element of aristocrality of A.S. Pushkin in his drama «Boris Godunov»	232

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	235
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	239

«ЛИКИ» ЧУЖОГО В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена изучению когнитивной категории «свой/чужой». Исследуется концептосфера «чуждости» в русских среднеобских говорах; описывается методика анализа культурно значимых смыслов; определяется понятие *дискурсивная норма*; выявляются основные дискурсивные нормы таких тематических пластов, как родственные, социальные, пространственные, временные и этические отношения в народной культуре, и система семантических оппозиций, связанных с категорией «свой/чужой».

Категория «свой/чужой» как мировоззренческая доминанта

Категория «свой/чужой» занимает особое место в современном осмыслении действительности, является глубинным мировоззренческим стержнем современной политики. В настоящее время по линии категории «свой/чужой» происходит осмысление проблем суверенности – интегративности общества; самобытности культуры – взаимопроникновения культур; разнополярности – глобализации мира; самостояния – толерантности.

В языковой семантике содержится глубинная интерпретация когнитивных категорий. Из факта первичности языковой знаковой системы по отношению к другим теоретическим построениям следует, что информация, закрепленная в языке, является базовой. Она прошла фильтр общественного сознания и устоялась как норма. На нее наслаиваются различные идеологические установки. Изучение языковой категории «свой/чужой» в диалектном дискурсе, относительно замкнутой и архаичной системе, позволит выявить ментальные основы данной категории, распространенные в народной культуре.

Магистральные пути данной категории проходят через области языковой действительности, подведомственные прежде всего когнитивной, регулятивной и эмотивной функциям языка, и высвечивают воплощенную в языковых структурах семантику социальных отношений. Рассмотрение языка с точки зрения самосознания личности и социума означает всестороннее познание категории «свой/чужой» и позволяет ответить на вопросы: что человек думает о себе, о «своем» и «чужом» мире, о проницаемости и границе этих миров, и в конечном счете, о механизмах самоопределения и сохранения этноса.

Когнитивная сущность исследуемой категории связана с доминантой оппозиционирования «себя» и «другого», с градацией пространства между «собой» и «другим» по степени проявления признака «свой/чужой», комплексом характеристик, отношений и преобразований внутри этого пространства.

Дискурсивная обусловленность категории «свой/чужой»

При определении сферы «своего/чужого» в национальной культуре необходимо учитывать определенную коммуникативную среду, в которой интерпретация категориального смысла уточняется в соответствии с задачами речевого образования.

Основные причины востребованности оппозиции «свой/чужой» в политическом дискурсе – это формирование образа врага для консолидации нации, сокращение дистанции между властью и обществом. Для осуществления последней задачи часто вводятся местоимения *мы, все, все мы*. От лица обобщенного субъекта выражается индивидуальное мнение, демонстрируется общность адресанта и аудитории. Например: *Все мы немножко материалисты и немножко идеалисты. Всем хочется во что-то верить, и всех прельщает кусок хорошего кровяного мяса со стаканчиком водочки (В.В. Жириновский)*. На основе оппозиции «свой» – «чужой» формируется семиотическая категория «свой круг», которую О.С. Иссерс называет базовой когнитивной категорией политического дискурса [1. С. 45]. В политическом дискурсе «чужой» – это прежде всего «тот, кто со мной не согласен», и «тот, кто мной манипулирует», а «свой» – «тот, кто разделяет мое мнение и отстаивает мои интересы». Категория «свой/чужой» обслуживает в политическом дискурсе сферу мнений.

В диалектном дискурсе чужой имеет другие «лица». В бытовом дискурсе, ориентированном на сохранение традиций, сфера личностных мнений не столь важна, а ситуация посягания на личную свободу строго регламентирована. В диалектной среде личность действует по известным правилам, установленным коллективным субъектом. Коррекция поведения осуществляется преимущественно в воспитательных целях в соответствии с дискурсивными правилами «только родители могут ругать своих детей» (*Ты мне не мать и не отец, чтоб ругать меня; Она не может на меня наругаться, для этого-то родители есть. Вот мамка наругается, я и не обижаюсь*), «дети не могут плохо отзываться о своих родителях» (*Наташа говорит: «Дядя Леша, тетя Надя, идите мамку поругайте, она пьет»*). *А мы, – говорят, – как ее ругать будем? Мы ей не отец и не мать*), «негативная оценка не выражается собеседнику напрямую, если он не является близким родственником» (*Когда соседи ругаются, я не влезая. Пусть сами разбираются*).

Категория «свой/чужой» – это дискурсообразующее понятие диалекта, так как в нем заключается сущность языкового самоопределения. Понимание речевой «самости» рождается из противопоставления диалекта другим формам национального языкового существования: *Родники – это по-расейски, а здесь все ключи; Овод – по-нашему паут*. «Свой/чужой» – это поддерживаемая традицией основная глубинная мировоззренческая оппозиция диалектной языковой картины мира, пронизывающая все смысловые сферы народной культуры. Вывод о всеохватности семантики «свой/чужой» в диалекте, о потенциальной оценке любого явления внеязыковой

действительности через призму данной категории делает А.Н. Серебренникова, анализируя лексические средства выражения данной категории [2]. В диалектном дискурсе это классификационная категория, которая служит целям нормирования и гармонизации среды обитания человека. Функциональная значимость когнитивной категории «свой/чужой» в диалектном и политическом дискурсах не совпадает.

Модель научного описания когнитивной категории

Возможно несколько способов описания когнитивных категорий: 1) исследование тематических пластов дискурса (родственные отношения, социальные, профессиональные, пространственные, временные, этические и др.) в аспекте заданной категории; 2) определение того фрагмента действительности, который описывается данной категорией; 3) выявление системы коррелирующих семантических оппозиций с целью определить объем концептосферы когнитивной категории; 4) обнаружение дискурсивных норм, которые формируются на базе исследуемой категории.

Под *дискурсивной нормой* мы понимаем устойчивое ментальное представление, порождающее регулярно повторяющееся в дискурсе суждение о чем-либо. Это текстовые модели представления действительности и знаний о мире. Диалектный текст производится по присущим ему дискурсивным правилам. Совокупность дискурсивных норм образуют концептосферу дискурса и определяют его специфику. Это ментально-культурная основа бытования дискурса. За семантикой категории «свой/чужой» стоят ментально-культурные дискурсивные механизмы.

В силу дихотомичного устройства когнитивных категорий, семантика одного из членов категории обнаруживается через оппозитивное сопоставление. Понятийная область «чуждости» выявляется благодаря семантической противопоставленности смыслу «свой». Высказывания *Я же говорю господи, чужая мать – она вообще никто; Аня что говорит: «Я на чужого мужика своих детей менять не буду»* содержат информацию о том, что неродные мать и отец народным сознанием воспринимаются как «чужие».

Учитывая дискурсивную обусловленность категории «свой/чужой», ограничим исследование материалом русских среднеобских говоров¹. Предметом настоящего исследования является когнитивно-семантическая сфера одного члена категории – «чуждости». Применим комплексную модель анализа: для того чтобы выявить и описать концептосферу «чуждости», распределим высказывания о «чужом» на тематические блоки, обнаружим семантические оппозиции, сопряженные с категорией «свой/чужой», сформулируем дискурсивные правила, которыми руководствуются представители диалекта при порождении высказываний о «своём/чужом».

«Лики» чужого

1. В области *родственных отношений* «чужие» – это в первую очередь «чужой ребенок», «чужой роди-

тель», «чужая семья»: *Чего это она [о соседке] ругает моего сына, она ведь ему не мать; Я в семью их не лезу, сами разберутся; Ну, что я могу сделать, только совет дать, вмешиваться право не имею; Вот они ругаются каждый день, жалко их, но я что могу сделать, нельзя в семью вмешиваться. Дискурсивные нормы «только родители вправе требовать послушания от детей» и «ребенок обязан слушаться только родителей» семиотически должны породить и порождают дискурсивное правило диалекта «между людьми, не связанными близкими родственными отношениями, не может быть никаких обязательств»: *А он мне не отец, да и не мать. Я ему не обязан; Я только перед родителями обязан, а они мне никто.**

В норме диалектного дискурса семья – это замкнутая система, поэтому то, что приводит к нарушению целостности семьи, оценивается отрицательно. «Пришлый в семью» маркируется лексическими единицами (*мачеха, отчим, гость*²) и воспринимается как «чужой». В сферу «чужого» переходит «ушедший из своей семьи», что также получает выражение в лексемах с отрицательно-оценочной коннотацией типа *изменник, гулеван, беглый: Когда начал бегать [муж], я перестала для него стараться. «Своя» семья становится «чужой», если член семьи уходит из нее и не поддерживает с ней отношения: Сашенька не едет меня проводить, не шибко я ему нужна; Живу одна, вырастила их, так они про меня забыли. Злюсь иногда, но понимаю, взрослые стали. Зачем я им теперь. Разрушение родственных, духовных отношений происходит в результате отчуждающих действий, что передается ментально-психическими глаголами с деструктивным воздействием: *разругаться, осудить, обидеть, укорять, попрекать* и др. Например: *Родни в Ягодном много, да не ходим, разругались; Будь она проклята эта свекровушка, житья мне не дает.**

Дискурсивное правило «к родственникам нужно относиться хорошо и обращаться к ним уважительно, согласно этикету» соблюдается при отрицательном отношении к предмету речи. Принято терпимо относиться к недостаткам родственников. Особенно это касается отношений «родитель – ребенок»: *Я все терплю, все-таки дочь моя; А что делать терпеть надо, хоть и не могу. Жалуеться она постоянно, что ругают ее. Но она мне не чужая, все-таки внуча; Хоть и не приходит она ко мне, но я не обижаюсь. Понимаю, что работает она.*

Значимость категории «свой/чужой» для диалектного дискурса подтверждается наличием в среднеобском говоре наречия *вчуже* со значением «со стороны, с точки зрения постороннего». Таким образом маркируется введение в речь точки зрения «чужого»: *Вчуже жаль [сочувственно о горе соседки]; А этот 38-го [года рождения] нонче помер. Хороший был, даже вчуже жалко. Ну, чужой, и жалко. Вчуже жалко. Так и говорят все, чужой и жалко [3. С. 248].* Приведенные высказывания сообщают о позиции человека, который не является родственником тому, кому выражается сочувствие, хотя очевидно, что это представители одной общины. «Чужой» в значении «не родственник» выступает на первый план в толковании слова *вчуже* В.И. Далем – «со стороны, не будучи ни родней, ни

близким, ни начальником: *Вчуже жаль, как их обкрадывают; На них и вчуже сердце не нарадуется* [4. С. 675]. Показательно, что для маркировки позиции стороннего, «чужого» человека народное сознание вырабатывает полноценный лексический знак.

2. Если при оценке родственных отношений определяющим является целостность семьи, то в области **социальных отношений** первостепенны целостность и единство социума. Все, что нарушает это единство, составляет концептосферу «чужого». Срабатывают механизмы самосохранения этноса.

«Чужой» – это в первую очередь ‘представитель другой, не моей общины’, следовательно, потенциально представляющий опасность: *Новые у нас соседи появились, так они не наши. Надо за ними смотреть; А вот наша тетка ехала из городу. А татары ехали, бросили папироску. А в телеге керосин. А приехала домой – а телега пустая гола. Каки зорники!; Были одни вершинински, а уже много приезжих много, и все развалилось у нас сейчас.*

Лексическими показателями «чуждости» выступают слова *приезжий, нездеиный, городской, посторонний, незнакомый, чужой, цыган, татарин, казак* и др. Например: *Татары жили здесь-ка. Так выжили их отседова. И казак поселился, ссыльный Вершинин. С тех пор одни Вершинины и жили. Тогда таких не принимали. Приезжие просились, не брали; Мало старожиллов. Примерли. Народ-то здесь все сосланный, нездеиный.*

«Чужой» в значении ‘незнакомец’ также актуально для диалектного дискурса: *Вот смотрю, болтает стоит. А это неправильно, ведь не знает никого; Только увидела, так и заговорила. А это нельзя. Надо только со знакомыми разговаривать.* Вырабатываются правила, обеспечивающие безопасность членов общества: «с незнакомыми общаться нельзя». Например: *Вот учу своих. Не знаете, так и не разговаривайте; Что им сейчас – не знают друг друга, а разговоры ведут; Вот мы раньше знакомились, только потом общение заводили; Не знаю, но раньше не было у нас знакомств разных с кем дружили, кого знали с теми и разговаривали; Мы только со знакомыми дружили, а чтобы с чужим заговорить, так мы боялись.* Оппозиция «свой» – «чужой» имеет такие параллельные варианты своей реализации, как «знакомый» – «незнакомый», «безопасный» – «опасный».

Наибольшую опасность для общества представляют *война, голод, разруха, нищета, грязь* ‘загрязнение окружающей среды’: *После войны пришел – опять разруха, кругом все голы да босы, наги; Я согласилась бы на одной картошке сидеть, лишь бы не было войны кровопролитной; Раньше и дышать легшее было, а час все грязь и воздух кажется тяжелым, не могу аж дышать; Счас все по-другому. Воздух тяжелый, грязи везде полно, как жить – не знаем, раз така среда тяжелая; Раньше воздух чишише был, а час пыллишиа, гряззишиа. Дорогу построили рядом так дышать нечем.* Все, что ‘причиняет вред моей общине’, привносится из «чужого» мира. Социальная опасность приходит извне. В то время как самоконтроль общества осуществляется посредством введения института этических норм.

3. В сфере **конфессиональных отношений** народная культура проявляет терпимость. Конфессиональная

принадлежность человека не осуждается и, вообще, не подвергается особой рефлексии: *Прадедов выслали за веру; Люди такие же русские, а вера разна; Староверами называли тех, у кого вера друга; Люди празднуют советские и религиозные.*

4. Анализ **пространственных отношений** в аспекте смысла «чуждости» дополняет интерпретацию социальных отношений в диалектном дискурсе: приходящее из «чужого» мира, а значит, из «чужого» пространства таит в себе опасность. К «чужому» пространству относятся лес, город, представители иной этнической среды: *В лес не хожу, далеко нельзя ходить: клешишь ешь из-за дерев. Они кусаются больно; Вот если бы в деревне жил, так и здоровым был. У нас сам посмотри, воздух какой, не такой как у вас там, в городе; Уйди, цыган проклятый!; Городски таки жулики...*

Диалектные высказывания типа *Никого нету, ни знакомых, были б хотя бы человека 3–4 наших учеников, из деревни, веселее бы было. А то чужие кругом, чужие; Потом я узнала ее, вижу, что не наша какая-то не деревенская* красноречиво свидетельствуют о том, что единицей «своего/чужого» пространства является община, деревня: «свой» – это ‘представитель моей деревни’, «чужой» – ‘представитель не моей деревни’. К актуализации в речи пространственной составляющей категории «свой/чужой» приводит факт нарушения пространственных границ: *А кривошеинцы повадились – что где брось и уже нету, утащили. Ой, Кривошеино, я не знаю.*

Инвариантом пространственного аспекта категориальной семантики «свой/чужой» выступает значение ‘находящийся в пределах/за пределами моего мира’.

5. Категория темпоральности является доминантной в диалектном дискурсе, так как организует вокруг себя многие тематические фрагменты диалектной языковой картины мира. Из всех типов **временных отношений** для диалектного дискурса наиболее значимой является оппозиция «прошлый» – «настоящий». С другой стороны, основу речевой рефлексии в изучаемом дискурсе составляют этические отношения. Этическая шкала оценок оказывается расположенной на временной оси, где положительные оценки по большей части относятся к времени прошлому, а отрицательные – к настоящему. Этический идеал с присущими ему нормами связывается с прошлым временем, нарушение этических норм – с настоящим: *У нас лентяев совсем мало было. Дак и то принуждали их к работе. Сейчас люди не такие пошли, трудиться совсем не хотят.*

Диалектные высказывания о труде и лени частотны в среднеобском говоре, что свидетельствует о дискурсивной значимости этической оппозиции «труд» – «лень». Прошлое предстает как картина активной трудовой деятельности людей: *Раньше лучше было. Все работали – то есть занимались каким-либо делом, трудились.*

Противопоставление прошлого и настоящего в диалектных высказываниях главным образом осуществляется посредством наречий *раньше, тогда – сейчас, теперь*. Первая пара наречий часто поддерживается или замещается местоимением *мы (у нас)*: *Раньше у нас в колхозе люди другие были. Не такие как сейчас. И работали и время свое знали. И никто сильно не бездельничал, как сейчас это делают; Сейчас люди работать*

не хотят. Им все так достается. А мы раньше трудились. Коллективному субъекту прошлого (мы) противостоит на языковом уровне местоименный и лексический конкретизаторы – они, молодежь, молодые, лентяи. Например: *Нет вы посмотрите, как мы раньше работали. А что сейчас молодым – только гулять да пить; Нынешняя молодежь совсем от рук отбилась. Жили бы как мы, так ценили бы труд; Вот мы раньше работали, все трудились, а сейчас что говорить. Никто работать не хотят все лентяи пошли.*

Во всех приведенных высказываниях присутствует смысл «(не) как у нас, в наше время», выступающий в качестве основы для осуществления этической оценки. Временная и этическая составляющие категории «свой/чужой» сопряжены. Этический идеал относится к прошлому времени и оценивается как принадлежащий «своему», духовному миру старшего поколения. Нарушение этического идеала происходит в настоящем и в «чужом» мире молодого поколения. Просматривается корреляция оппозиций «свой» – «чужой», «труд» – «лень», «нужда» – «достаток», «старый (старшее поколение)» – «молодой (молодое поколение)»: *А кто работал? Кто нужду мает, тот и работает. А сейчас молодежь работать не хочет.* Абстрактные категории этики и темпоральности, таким образом, предстают в диалектной языковой картине мира персонифицированы – через оппозицию «старый» – «молодой».

1) Труд является основным источником благополучия и гордости, основной ценностью, которой подчинены все другие: *Я уж не хвастаю, а в семье ишь как труженики были; Их дети, не скажешь, что плохи, все труженики, все трудятся; Ну, все время полела, на грядках сидела, все делала ей, снохе-то. Мы подвизились. Така труженица; И люди гордятся, когда их труд сравнивают с пчелиным трудом; Этот работать любят. Так его все и любят.*

Действуют дискурсивные правила «чтобы не быть бедным, надо много трудиться», «чтобы общество было богатым и благополучным, необходимо трудиться»: *Жить было трудно раньше, но кто работал, не голодал; Он шибко труженик, у них и рыбка не уплывет, и ягода не уйдет; А я работница была, колхоз был богатый. Лентяев-то раньше меньше было.* Отсутствие в человеке стремления к труду обусловлено его индивидуальными качествами и является причиной неустроенной жизни, осуждаемой обществом: *Он работать ленивый, деньги пропивает; Ой, они голодовали: они ленились маленько; Сейчас молодежь не работает. У меня племянница не работает. Живет в грязи.*

Большое количество диалектных высказываний порождается другим дискурсивным правилом «труд не является гарантией безбедного существования»: *Так и трудюсь я. Всю жись нужда была; Никого я не видала, кроме тяжелой работы, трудностей, бедноты и все; Жить трудно. Ловили рыбу, щуки девять килограмм. Другие деревни богатые были; Прожили мы, работали честно, а сейчас все в бедности живем; Я вот честно трудилась. А что получила?; Всю свою жизнь трудилась, а богатства особого не нажили; Говорю я им: с такой работой богатым не будешь, а горбатым только.* Неоднозначное представление о труде связано с различием результативного и целевого аспекта яв-

ления. Дискурсивная норма «труд – достаток» служит мотивом трудовой деятельности. Ожидания, заложенные в мотиве действия, не всегда совпадают с реальным результатом («труд – бедность»).

Результативный аспект трудовой активности представлен также когнитивной нормой «труд – тяжелая необходимость, приносящая страдания и болезни»: *Мы вдвоем с мамой жили. Работать много приходилось. Тяжестя всякую таскала. Так теперь мучаюсь, все по больницам; Всю жизнь работала, отдыха не видала, а теперь болею часто. Здоровье совсем не то; Мы уже состарились, а она ешо лучше нас выглядит. Дак она не работала. Были и дети. Ее шибко не принуждали.*

Жизнь в прошлом воспринимается тяжелой в основном из-за преобладания ручного труда. Необходимость трудиться вручную оценивается отрицательно. Механизация труда приветствуется и принимается за норму: *Ой, как раньше тяжело было все своими руками делали, и отдыхать времени не находилось. А сейчас людям все машины какие-то помогают, все что-то в помощь делают. Вот мне говорили, как сейчас люди работают. Все за них техника делает. Все же сейчас умные стали. А нам никто не помогал. Все своими руками делал; Комбайн – хорошая штука. Много трудов заменяет. Пятнадцать да двадцать гектаров в день. А раньше каку беду трудились. Тяжелый труд имели; А раньше вот трудились тяжело было. Все дни мы трудились. А сейчас изобретения разные выдумывали. Легче работать стало; Раньше-то вручну все было, а сейчас все техника.*

Прошлое и настоящее интерпретируется в критериях следующих типов оценок:

– этической – «доброта/злоба»: *А что сейчас-то жизнь легкая стала, и люди злые пошли. Но у нас не так было. Мы хоть и голодала, а людей не обижали;*

– гедонистической – «веселье/скука»: *Бывалыча, вечером, вся деревня день-деньской шумела. Теперь скучно, как раньше было. Работали в очень чажелой, а жили весело; Весело было. Гармошки, все прочее такое. А счас я что-то не знаю. Да кого. Счас никого нет;*

– социальной – «коллективный/индивидуальный»: *Раньше-то мы старались все время трудиться, а сейчас одни работают, другие, не понятно, чем занимаются; Бывало, у людей-то раньше праздник был, все-обще праздновали. А сейчас ты праздничаеть – они работают;*

– пространственной – «деревенский/городской»: *Два брата живые у меня. В городе. Никто не хочет в деревне жить. Все в город едут; Он не работает нигде, хочет в город, а в городе – там калачики висят. Там поработать надо, а он работать не любит.*

Названные оппозиции включены в темпоральное противопоставление. С другой стороны, они конкретизируют пронизывающую все смысловые сферы, универсальную для диалектного дискурса оппозицию «труд» – «лень», так как в традиционной народной культуре труду посвящена основная часть времени: *В деревне во сне не видать дом отдыха, вся в работе да в работе.* Высказывания типа *Ой, тяжело жили, шибко тяжело. А веселья было, все люди дружили; Мы-то раньше, как вспомню, ой, тяжело жили. Всем не легко было. Но дружили, никого не забывали представ-*

ляют действующее в среднеобских говорах дискурсивное правило «труд не озлобляет человека, не является помехой веселью». Формируется этическая когниция «общение, построенное на принципах дружбы, радости и добра, – огромная ценность»: *Раньше-то дружно жили, одной семьей, а сейчас. Отдельная квартира, а миру нету; Жили дружно, пьянки не было.*

Поскольку труд является основной ценностью крестьянской бытовой культуры, то и человек оценивается по своей способности, склонности к труду, часто посредством отнесения к соответствующим членам коррелятивных оппозиций: *На улицу сейчас выкину! Айда! Городска барыня.*

Социальная оценка связывается с признанием обществом труда честных тружеников. В следующих высказываниях противопоставлено уважительное и неуважительное отношение к человеку в прошлом и настоящем: *А в наши годы не было так. А теперь уже вовсе. А теперь ни за что не считают; Вот у нас раньше все по другому было. И люди не так ценились как сейчас: мы тогда людей по другому считали. А теперь их вовсе ни за кого не принимают; Ты, как заслужил, так и получишь. По себе; Вот когда была молода. Робила за двоих, так нужна была. А старые мы совсем немощные, кому мы такие нужны?; Жалко мне себя становится. Никто о нас заботится. Когда здоровые были, сильные, так нужны были.*

Прошлое и настоящее противопоставлены на основе такого признака, как «честный/нечестный» труд. Понятие *честный труд* в диалектном дискурсе передается номинацией *свой труд* со значением ‘произведенный собственноручно’: *Так и так он ничем не торговал, своим трудом [кормился]. Все своим трудом; Живу своим трудом, все свое сажу.* Когниция *нечестный труд* предполагает идею присвоения результатов чужого труда и реализуется глаголами *воровать, наворовать*: *У самой за тысячу рублей доха куплена, у дочери за тысячу рублей доха куплена: «Дак вы воруете тогда?».* Тема денег и труда тесно связана в сознании носителей диалекта: ‘человек, живущий честно, своим трудом, не может быть очень богат’, поэтому материальное благополучие и богатые люди вызывают недоверие и оцениваются отрицательно, как в высказываниях *Она лучше всех одевается, дак, наверно, наворовалась вдоволь; Сейчас все обнаглели, все пьют, живут все хорошо, денег получают помногу.*

Существенна для диалектного дискурса также оценка труда по качественному и количественному критерию. Настоящее характеризуется низким уровнем качества труда: *Слушали выступление председателя колхоза Калинина, который в своем выступлении сказал, что работать не годится, как работают в настоящее время. Вся жизнь человека в прошлом была подчинена труду: В колхозе тридцать лет работали, выходные не давали; Если б нам выходные были или отпуска каки хоть отдохнуть.* Категория «свобода/несвобода» выступает еще одним семантическим признаком, дифференцирующим временной локус: *А сейчас люди лучше живут, чем в наше время, получают, что хотят, то и делают; Я говорю, лучше на работе быть, чем вот так болтаться.*

Таким образом, в диалектном дискурсе темпоральная оппозиция включается в аксиологическую оценку

мира по признаку «свой» – «чужой» и реализуется через наиболее значимую этическую оппозицию «труд» – «лень», которая соотносится с частными оппозициями: «честь» – «бесчестие», «достаток» – «нужда» (цель), «бедность» – «богатство» (результат), «тяжелый/ручной труд» – «легкий/механизированный труд», «коллективный» – «индивидуальный», «старый» – «молодой», «честный» – «нечестный», «несвобода» – «свобода», «радость» – «скука», «доброта» – «злоба», «здоровье» – «болезнь», «созидание» – «разрушение» (*Все раньше было на заводе. А теперь все поразвалили, все порастащили, а че говорить*).

2) Противопоставление нормы разных времен раскрывает некоторые правила бытовой культуры социума. Высказывания *Раньше, если муж жену побьет, никто не знал, тайна была. А теперь, если поругались только, вся деревня знает; Вот они поругались, а мы то и не знали об этом. Скрыли от нас; Раньше если в семье драка бала, так никто не рассказывал. Старались скрывать это; Сейчас раз поругались, так только об этом разговоры и ведут; Теперь не стараются укрывать что. Раз поругались, так потом все и знают* свидетельствуют о степени проницаемости сферы личного в прошлом и настоящем. Один и тот же факт семейного раздора (*если муж жену побьет, если поругались, если в семье драка была*) имеет неодинаковую включенность в круг социального, общедоступного. В прошлом сфера личного оберегалась от вмешательства «чужих», в настоящем границы между личным и социальным практически не существует.

Границы «своего/чужого» мира у представителей разных поколений не совпадают. Устремления старшего поколения направлены на сохранение «своего» мира, молодое поколение больше ориентировано на расширение его границ, чем на сохранение: *Так мы вообще боялись пойти куда-то. Это у нас строго было. Только вот с кем знались с тем и можно было. А сейчас все не так, не по-нашему; И все, кажется, жалко разорвать. А молодым дак сейчас ниче не жалко.*

3) Семантическая оппозиция «жизнь» – «смерть» получает в диалектном дискурсе различную интерпретацию в зависимости от смежных когнитивных категорий. С одной стороны, жизнь – это труд: *Лекарства там пошла – мне хуже. Не умирается. Хворат, а надо работать.* С другой стороны, настоящее время связывается с подготовкой к смерти: *Вот одну хоронили мы – так жуть как страшно было. Вот думаю и мне скоро на покой пора; Я и не знаю прям, когда мне умирать. И спросить-то некого; Думаю уже о смерти, да и возраст подходит – совсем не молода стала.* Смерть является в диалектной языковой картине мира желанным гостем: *Я уж теперь день ото дня жду смерть; А я смертечки как гостюшку жду.* Подобное восприятие смерти соответствует традиции народной русской культуры, согласно которой человек должен подготовиться к смерти. С третьей стороны, взаимосвязь оппозиции «жизнь» – «смерть» с категорией желательности объясняет двойственное отношение к смерти: неизбежность смерти побуждает человека примириться с ней, а противопоставленность жизни исключает ее из «своего» мира: *Я взяла [кофту]. Думаю, че мне надо к смерти-то? Я говорю: «Ну и смерть придет – неохо-*

та умирать». Состояние готовности к смерти представляет собой один из видов проницаемости миров. Подобное расширение «своего» мира в норме осуществляется представителями старшего поколения, поэтому оппозиция «молодой» – «старый» является определяющей для коррелятивного пропорционального соотношения: «жизнь» – «смерть», «чужой» – «свой», «прошлое» – «настоящее», «здоровье» – «болезнь».

Мы рассмотрели темпоральный аспект реализации когнитивной категории «свой/чужой». Прошлое и настоящее существуют в условиях взаимной системной обусловленности. В этой оппозиции прошлое представляется ядерным компонентом, так как служит «эталоном» для сравнения. Когнитивное противопоставление задается с опорой на опыт предшествующих поколений и сложившиеся традиции.

Прошлое – это ‘время моей полноценной жизни’, это «свой» мир, ‘соответствующий моим идеалам’. Прошлое идеализируется как время молодости, расцвета, здоровья и красоты. Настоящее не соответствует «идеалу», это мир неправильный, чужой и опасный.

Все корреляции по семантическим оппозициям когниции «чужой» в своей совокупности описывают концептосферу «чуждости». Смещение границ между «своим» и «чужим» миром происходит в полном соответствии с определенными культурно-дискурсивными нормами.

Двучленность темпоральной оппозиции в диалектном дискурсе, на наш взгляд, объясняется наличием сильного ядра (прошлое) и довольно слабой периферии (настоящее). Кроме того, временная категоризация осуществляется в условиях не абстрактного, а наглядного способа видения мира. Ненаблюдаемое будущее слабо проявлено в диалектной речи. И наконец, темпоральная категоризация существует в двухмерном «измерении» многих сопряженных когнитивных категорий.

Темпоральная и этическая квалификация мира главенствуют в диалектной языковой картине мира. Они пересекаются, сопрягаются между собой и с другими категориями.

6. Морально-этические отношения выстраиваются вокруг дискурсивной нормы ‘(не)соблюдающий правила своего общества’: *Кто ему мешает, живи с умом, да и делай все правильно; Так сошлись, так жили, а это грешно говорят. Без венца нельзя было; Вроде понравились друг дружке, пожили вместе, а потом и разбежались. Я и говорю без венца нельзя. Строго это у нас.* К «чужому» миру относится то, что не соответствует представлениям об этической норме. «Чужой» – это тот, кто ‘не соблюдает или нарушает этические правила своего общества’.

В результате анализа обнаружилось, что этические качества организуются категорией «свой/чужой». Этический идеал связан с умением сохранить «свой» мир и внимательно, корректно относиться к «чужому». Существуют разные случаи нарушения описанной нормы поведения.

Физическая и духовная распущенность свидетельствуют о том, что человек не заботится о «своем» мире. Небрежное отношение к «своему» миру проявляется в распутстве (*Нынче девки-то по всей ночи ходят с ребятами. А раньше не так было. Мы посидим на кругу, как солнышко зайдет, домой все разойдутся; Они нон-*

че, как собаки, безо времени свою молодость поте- рят), пьянстве (Мало работает, много гуляет – лодырь, гулеван, пьяница), лени (Я говорю ей в глаза: вот сын у тебя хороший и помогают и все делает, что не скажешь. А мой-то лодырь не знает ничего), непослушании (Мо- лодёжь счас совсем дурная стала... Даже на родите- лей и внимания обращать не хотят. И не слушают их совсем), избалованности (Как с ним бороться ума не приложу. Родители добрые были, так теперь и изба- ловали его. Но это ему только во вред), легкомыслии (Все не женится, а такой вертун; Наташа мне жалу- ется: «Куда бы его не позвали, так он с радостью бе- жит»). Я ей говорю: «Ну, и достался тебе легкомы- сленный»), бесстыдстве (Ну, чтобы рубаху видно было мы бы совестились. Раньше совестливей были; Раньше боже меня упаси, чтобы так оделись, как сейчас девки одеваются), беззаботности (Хозяйство есть, а он за ним не смотрит. Что ему объяснять это надо?; Если хозяйство завел, так ухаживай за ним), неопрятности, нечистоплотности (Дом надо в чистоте держать, а они не хотят этого делать; Зайти к ним боюсь, дома не убрано, некогда им все), унынии и пессимизме (Нужно все трудности переживать – тогда будешь ты человеком; Вот он не унывает хоть и в беду попал; Один он вовсе остался. Никого, кроме него, больше нет. Померли все. А как дальше жить не знает).

Неумению заботиться о «своем» мире противостоит другая антинорма, которая состоит в чрезмерной заботе о «своем» мире. Подобный тип поведения описывают такие качества, как жадность (*Он все жадничает. Ни- кому денег не дает; Не общаюсь я с ними. Жадные они уж очень*), скупость (*Она и сама не ест и людям не дает*), эгоизм (*Она как не придет, так все о своих бо- лезнях рассказывает*), хвастливость (*Вот у меня сосед хвастливый какой*).

Нарушение границ «чужого» мира также осуждается, как и неспособность сохранить «свой» мир. Простодуш- ный человек может пострадать от «чужого» из-за своей доверчивости: *Я прямо поражаюсь с нее: че на уме, то и на языке; Они мне говорят, что простота хуже во- ровства; Я учу их не будь простым, а то облапошат.* Человек агрессивно вторгается в «чужой» мир проявлени- ем следующих качеств: злословием (*Я ей говорю: ты лучше ей в глаза скажи, чем за спиной обсуждать; Все ходит, да сплетни пускает*), лживостью (*Не люблю я его, много врет он слишком; Этому-то что и наврет дак недорого возьмет*), лицемерием (*Не люблю я его, за глаза костит, а в глаза мне льстит; Уж больно все хо- рошо говорит. Не нравится мне это*), наглостью (*Какие эти люди пошли наглые прям. Мы такими не были раньше*), неблагодарностью (*Я ему, сколько добра сдела- ла, он мне ни спасибо не сказал; Ох любила я их, только они не оценили*), воровством, предательством (*А он, мо- шенник, обворовал ее. Да и сбежал к другой. Вот как человека-то видно*), насилием (*Он жену свою бьет. Си- ла-то есть, а ум где-то потерял*).

Глупость – это особый случай отклонения от этиче- ского идеала, который проявляется в неумении ориенти- роваться в мире, что ведет к неспособности человека рас- считать последствия своих действий: *Ума у него совсем нет. Разве так делают?; Вроде жизнь прожила, а ума не набралась; Он, наверное, с рождения такой дурак.*

Этические нормы характеризуют человека по его отношению к «своему» и «чужому» миру. Предметом их «заботы» становится граница между мирами. Опасно, с точки зрения этического идеала, если граница между мирами отсутствует (распутство), нарушается (насилие), если она слишком слабая (простодушие) или сильная (жадность).

В результате проведенного анализа обнаружены структурные единицы «чужого» мира. Если выстроить их по мере увеличения степени «чуждости», получится следующая структура: чужая семья, другое поколение, незнакомый, чужая деревня, город. Концептосфера «чуждости» включает в себя все, что нарушает целостность и безопасность семьи и общества.

Граница между «своим» и «чужим» миром, хотя и жесткая, но проходимая. Вхождение в чужую семью состоится через одного из членов этой семьи, который является своеобразным проводником между «мира-

ми»: *Я свою дочь люблю, поэтому и к зятю хорошо отношусь.*

Вхождению в круг «своих» способствуют добрые отношения между людьми, о чем свидетельствуют следующие высказывания: *Он мне добро сделал, так я отплатить должна; У нас с ней хорошие отношения. Если надо я ее выручу и она меня.*

Соответствие этическому идеалу – неременное условие, при котором может состояться прием чужака в «свой» мир: *Остят один промышлял. Заехал к ему, лежит таким ферсом, и книжка перед ним. Такой приятный мужичошка. Я спрашиваю: «Так ты имеешь грамотешку?».*

Отторгаются обществом люди, которые не дорожат родовыми, семейными связями и нарушают этические нормы. Чем дальше стоит человек в иерархии близкородственных отношений, тем быстрее и легче с ним разрываются отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалом для исследования послужили картотека словарей среднеобского говора при кафедре русского языка Томского госуниверситета; Вершининский словарь / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7; Полный словарь сибирского говора / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991–1995. Т. 1–4.

² Восприятие гостя как «чужого» доказано в [2] через описание культуры гостеприимства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
2. *Серебренникова А.Н.* Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
3. *Вершининский словарь* / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1: А–В. 308 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. Т. 1: А–З. 912 с.

Статья представлена кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 4 декабря 2006 г., принята к печати 11 декабря 2006 г.